DOI: 10.34708/GSTOU.CONF.2021.11.54.002

УДК 343.2

ОТКАЗ ПРОКУРОРА ОТ ОБВИНЕНИЯ

PROSECUTOR'S REFUSAL TO CHARGE

¹Мальцагов И.Д., ²Магомадов Х.И.

¹Maltsagov I.D., ²Magomadov Kh.I.

¹Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза, теория ОРД»

Чеченский государственный университет, г. Грозный, Россия

²Магистрант юридического факультета, 2 курс «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза, теория ОРД»

Чеченский государственный университет, г. Грозный, Россия

¹Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of "Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Science, Theory of ORD" Chechen State University, Grozny, Russia

²Master student of the Faculty of Law, 2 course "Criminal Procedure, Forensic Science and Forensic Science, Theory of ORD" Chechen State University, Grozny, Russia

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о возможности отказа от обвинения на стадии предварительного слушания. Указано, чем отказ от обвинения отличается от изменения обвинения. Авторы анализируют возможные варианты отказа прокурора от обвинения, дают классификацию видов и оснований такого отказа. Решается вопрос о том, в какой форме возможен отказ прокурора от обвинения, обосновывается необходимость согласования позиции государственного обвинителя с прокурором, утвердившим обвинительное заключение и поручившим поддержание обвинения. Дается оценка соблюдению прав потерпевшего при реализации государственным обвинителем права на отказ от обвинения. Приведена возможная структура речи государственного обвинителя в судебных прениях при отказе от обвинения. Предлагается внести в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации некоторые изменения.

Abstract. The article discusses the possibility of abandoning the charge at the preliminary hearing stage. It is indicated how the refusal of the charge differs from the change of the charge. The authors analyze the possible options for the prosecutor's refusal to charge, give a classification of the types and grounds for such refusal. The question of the form in which the prosecutor's refusal from the prosecution is possible is resolved, and the need to coordinate the position of the public prosecutor with the prosecutor who approved the indictment and entrusted the prosecution with maintaining the prosecution is justified. An assessment is made of the observance of the rights of the victim in the exercise by the public prosecutor of the right to refuse to charge. The possible structure of the speech of the public prosecutor in the judicial debate when rejecting the charge is given. It is proposed to make some changes to the criminal procedure legislation of the Russian Federation.

Ключевые слова: обвинение, прокуратура Российской Федерации, государственный обвинитель, отказ от обвинения, уголовное преследование.

Keywords: prosecution, prosecutor's office of the Russian Federation, state prosecutor, refusal of prosecution, criminal prosecution.

Прокурорское усмотрение является центральным компонентом федеральной системы уголовного судопроизводства. Прокуроры решают, какие дела рассматривать, и заключают сделки о признании вины, определяя судьбы подавляющего большинства обвиняемых по уголовным делам, которые предпочитают не предстать перед судом. Однако решения прокуроров,

как правило, не подлежат судебному пересмотру. Согласно федеральному прецедентному праву, доктрина разделения властей является “основным основанием”, на котором суды воздерживаются от пересмотра обвинительных решений. Доктрина конституционного разделения властей учитывает широкие прокурорские полномочия. Проследившая федеральное прецедентное право о прокурорском усмотрении до XVIII века, можно выявить связь между современной теорией прокурорского усмотрения и российским уголовно-процессуальным кодексом, который существенно предшествовал доктрине разделения властей. В России традиция частного обвинения со стороны жертвы преступления была доминирующей, по крайней мере теоретически, до конца двадцатого века. Генеральный прокурор может отклонить продолжающееся судебное преследование (обычно инициировано частной стороной) с процедурным устройством, называемым «*nolle prosequi*», но государству не хватало государственного прокурора, который контролировал бы уголовное преследование как рутинное дело. В Соединенных Штатах, напротив, первый Закон о судебной системе учредил федерального прокурора еще в 1789 году. Закон о судебной системе наделил федеральных прокуроров исключительными полномочиями возбуждать федеральные уголовные преследования, что является отходом от русских традиций. Государственная монополия на судебное преследование не уникальна. Германия, например, в значительной степени запрещает частное судебное преследование. Однако в Германии правило обязательного судебного преследования ограничивает свободу усмотрения прокурора, проверяя способность прокурора выбирать какие дела вести.

Истоки прокурорского дискреционного права в федеральной системе уголовного правосудия плохо изучены. Историческая наука не объяснила, как российский государственный обвинитель возник из общего закона для получения той власти, которой он обладает сегодня. Современным федеральным процессам приписывают прокурорское усмотрение доктрин разделения властей - федеральные прокуроры считаются агентами исполнительной власти, и по этой причине суды не могут пересматривать их решения. Однако такое широкое применение доктрины разделения властей несовместимо с более взвешенным применением этой доктрины в других областях права. Доктрина требует большего обоснования, чем дают современные случаи. Исторический вопрос заключается в том, как федеральные суды пришли к принятию доктрины разделения властей в качестве оправдания расширительного прокурорского усмотрения. Федеральное прецедентное право XVIII века содержит исторические корни прокурорского усмотрения и предусматривает некоторое представление о том, как развивалось оправдание разделения властей. В федеральном прецедентном праве теория разделения властей прокурорского усмотрения эволюционировала, по крайней мере частично, из обоснования процедуры, которая фактически предшествовала американскому государственному прокурору. Эти исторические корни помогают объяснить, если не оправдать, современную теорию прокурорского усмотрения.

В российском уголовном процессе существует мало юридических ограничений на усмотрение прокурора. Ограничения, которые существуют, проистекают из других областей права — равной защиты и надлежащей правовой процедуры и эти ограничения редко приводят к успешным обвинительным заявлениям о неправомерных действиях. Согласно современному прецедентному праву, доктрина разделения властей требует, чтобы судьи допускали широкие прокурорские полномочия. При сравнении судебного надзора за прокурорские решения с судебным пересмотром административных регламентов, однако, широта прокурорского усмотрения выделяется, даже несмотря на то, что доктрина разделения властей применима к обеим областям права. Кеннет Калп Дэвис, который отметил это сравнение в 1969 году, пришел к выводу, что “во всей нашей системе права и управления наибольшая концентрация ненужной дискреционной власти над отдельными партиями сосредоточена не в регулирующих органах, а в полиции и прокуратуре”. Прокуроры обладают такими концентрированными дискреционными полномочиями, как две взаимодополняющие черты уголовного процесса:

1. Во-первых, федеральный закон разрешает прокурорам принимать ряд решений, которые не подлежат пересмотру.
2. Во-вторых, некоторые особенности современной системы уголовного правосудия расширяют прокурорские полномочия на практике. В этой части, я вкратце рассматриваю каждую из этих тенденций, чтобы дать представление о масштабах современной прокурорской

дискреции. В соответствии с федеральным законом прокурор обладает исключительным дискреционным правом решать, следует ли преследовать в судебном порядке любое преступление, подкрепленным вероятной причиной. Если прокурор принимает решение не возбуждать дело, федеральные суды вмешиваются. Кроме того, постоянные требования могут препятствовать утверждению о том, что прокурор неправомерно не возбудил уголовное преследование за преступление.

Мстительное преследование, при котором прокурор наказывает подсудимого за нарушение конституционного права, обвиняя его в более тяжком преступлении, нарушает положение о надлежащей правовой процедуре. Этот принцип, однако, не исключает тип переговоров, распространённый в процессе переговоров о признании вины. Точно так же избирательное преследование, основанное на расе, религии или других недопустимых критериях, нарушает принцип равенства. Оценки затрат и выгод прокурора или суждения об общественных интересах, затрагиваемых в определенных видах уголовного преследования, не подлежат оспариванию. Помимо решения о том, возбуждать или не возбуждать судебное преследование, федеральный прокурор также имеет право по своему усмотрению решать, как осуществлять судебное преследование. Возможности для осуществления дискреционных полномочий на практике Современная система уголовного правосудия предоставляет федеральным прокурорам стимулы для принятия многих решений, которые имеют драматические последствия для обвиняемых по уголовным делам, но никогда не пересматриваются в суде. В результате прокурорское усмотрение на практике еще шире, чем прецедентное право подразумевает. Большой федеральный уголовный кодекс, большая нагрузка на дела и преобладающие сделки о признании вины - все это усиливает влияние федерального прокурора на судебные решения по уголовным делам. Федеральный уголовный кодекс существенно вырос за последние два столетия. В Пересмотренном в декабре 1873 года Уставе в разделе о федеральных преступлениях перечислялось 183 отдельных преступления. Сегодня раздел 18 Кодекса РФ содержит более тысячи различных преступлений. Принятое в Федеральное уголовно-процессуальное правило предусматривает, что правительство может с разрешения суда отклонить обвинительное заключение, информацию или жалобу. Правительство не может отклонить обвинение во время судебного разбирательства без согласия ответчика. Некоторые федеральные округа постановили, что суды могут отказать в разрешении на увольнение, если и только если запрос прокурора явно противоречит явным общественным интересам. Далее идет связь между законодательными органами и судами: накопление уголовных статутах сдерживает суды, как отнимая возможности законотворчества, так и притупляя влияние судебных инструментов, таких как доктрина неопределенности и правило снисхождения. Наконец, отношения между прокурорами и судами: прокуроры «держат судей в страхе», используя возможности обвинения, которые законодатели предоставляют им для получения признания вины. Признание вины, конечно, полностью избегает судебного решения; они оставляют судам очень мало роли. Обратите внимание на характер этих отношений: прокурорская и законодательная власть усиливают друг друга, и вместе обе эти власти оттесняют суды на периферию. Когда уголовные статуты пересекаются, как это происходит со многими федеральными преступлениями, прокурор может выбирать между статусами при процессе. В результате правило о том, что «если какое-либо деяние нарушает более чем один уголовный закон, правительство может преследовать в судебном порядке по любому из них», предоставляет федеральным прокурорам сегодня еще больше дискреционных полномочий, чем это было, когда Верховный суд заявил об этом в 1976 году. Рост числа федеральных преступлений привел к росту в числе федеральных уголовных преследований. Прокурорам с большим объемом дел не хватает ресурсов, чтобы довести каждое дело до суда.

Сегодня сделки о признании вины встречаются гораздо чаще, чем судебные процессы. Процесс переговоров о признании вины облегчает «прокурорское судебное разбирательство», в котором прокурор выступает в качестве «центрального судьи по фактам (а также заменяет судью в качестве арбитра по большинству правовых вопросов и соответствующего приговора, подлежащего вынесению) обвинитель оценивает виновность и выбирает обвинение, по которому он признает себя виновным. Это обвинение сопровождается «консультативным» руководством по вынесению приговоров, обнародованным Комиссией по вынесению приговоров США, и судьи чаще всего выносят приговоры в пределах этого диапазона. В результате осу-

ществование прокурорской дискреции затрагивает практически каждый этап процесса уголовного правосудия от предъявления обвинения до вынесения приговора. Многие аспекты современной прокурорской практики напоминают вопросы, традиционно оставленные на усмотрение судей, особенно “прокурорское решение” процесса переговоров о признании вины. Судья может расширить или восстановить свои дискреционные полномочия, ограничив полномочия федеральных прокуроров. Федеральные суды этого не сделали, вместо этого федеральное прецедентное право пришло к выводу, что судьям конституционно запрещено вмешиваться в решения прокуратуры. Наиболее распространенной поддержкой этого вывода является разделение властей доктрина, которая не дает адекватного объяснения расширительному прокурорскому усмотрению. Таким образом, суд пришел к выводу, что следует, что инцидент конституционного разделения властей, что суды не будут мешать свободному осуществлению дискреционных полномочий прокуроров. Верховный суд поддержал эту теорию, отметив, что решение прокурора исполнительной власти не предъявлять обвинений долгое время считалось особой областью исполнительной власти. Нижестоящие федеральные суды также ссылаются на доктрину разделения властей, чтобы защитить свой подход к решениям прокуроров “без рук”. Поскольку осуществление прокурорского дискреционного права лежит в самой основе исполнительной функции, ограничение этого дискреционного права путем введения судебного обзора вторгся бы в традиционную доктрину разделения властей. В противном случае суды дают мало доктринальных обоснований для широкого прокурорского усмотрения, Критика в сравнении со смежными областями права в прецедентном праве, касающемся дискреционных полномочий прокурора, доктрина разделения прокурорских полномочий поддерживает два вывода:

1. федеральный прокурор имеет дискреционные полномочия решать, следует ли и как вести дело;

2. федеральный суд не может пересматривать решения прокурора. Однако доктрина конституционного разделения властей этого не делает, адекватно объяснить экспансивное прокурорское усмотрение. Вместо этого прокурорское усмотрение находится в противоречии с учетом разделенных полномочий, которые появляются в других местах, особенно в административном праве.

Широкие и непрозрачные полномочия федерального прокурора - это аномалия в нашей системе разделенных полномочий. Постоянная цель создателей разделить и расположить несколько ведомств правительства таким образом, чтобы каждое из них могло быть проверкой другого, однако другие ветви власти почти не обеспечивают проверки прокурорской деятельности. Рэйчел Барков заметила, что не нужно быть экспертом в теории разделения властей, чтобы знать, что объединение современных прокурорских полномочий в одном субъекте может привести к грубым злоупотреблениям. Федеральная судебная система избегала столкновения с этой напряженностью, ссылаясь на доктрину разделения властей только номинально. Возможности для осуществления дискреционных полномочий на практике Современной системы уголовного правосудия предоставляется федеральным прокурорам как стимулы для принятия многих решений, которые имеют драматические последствия для обвиняемых по уголовным делам, но никогда не пересматриваются в суде. В результате прокурорское усмотрение на практике еще шире, чем прецедентное право подразумевает. Большой федеральный уголовный кодекс, большая нагрузка на дела и преобладающие сделки о признании вины - все это усиливает влияние федерального прокурора на решения уголовных судов. В результате реализация прокуратурой дискреционных полномочий затрагивает практически все стадии уголовного судопроизводства-от предъявления обвинения до вынесения приговора. Прокуроры не могли получить свое широкое усмотрение без своего рода судебного согласия. Многие аспекты современной прокурорской практики напоминают вопросы, традиционно оставленные на усмотрение судей, особенно “прокурорское решение” переговорного процесса о признании вины. *Nolle* - это исполнительная прерогатива, а не судебная власть. В точном контексте *nolle prosequi* это утверждение о непредвзятом исполнительном усмотрении имело прочную основу в истории. Существует два важных различия между исполнительным контролем над *nolle prosequi* и современным прокурорским усмотрением. Полномочия президента направлять уголовное преследование не обязательно подразумевают, что все линейные прокуроры должны проявлять такую же непредвзятую свободу действий. Более того, право прекратить судебное преследова-

ние с помощью *polle prosequi* по хронологии и значению отличается от дискреционного права принимать первоначальное обвинительное решение. В этом разделе исследуется ограниченное прецедентное право, которое устранило эти два различия, преодолев разрыв между исполнительной властью *polle prosequi* и современной теорией прокурорского усмотрения. Суд постановил, что более ранний *полле* не является препятствием для последующего предъявления обвинения. Судья отметил “древнее” происхождение этой процедуры и отметил, что “безусловно, суд не обладает юридической компетенцией давать какие-либо советы по этому вопросу. Право на вступление в *polle prosequi* должно осуществляться по усмотрению адвокат, который осуществляет судебное преследование от имени правительства, и только он несет ответственность за его осуществление”. Самое главное, что Суд также предложил обоснование для контроля окружного прокурора над государственным обвинением. Таким образом, по мнению Суда, усмотрение генерального прокурора по распоряжению уголовными делами оправдывается по его исполнительному назначению. В результате ни Суд, ни частные лица не могут вмешаться в решение Генерального прокурора. Обоснование разделения властей здесь не так многословно, но усмотрение прокурора косвенно связано с исполнительной властью.

Сегодня исход подавляющего большинства уголовных дел определяется путем переговоров о признании вины и прокурорским усмотрением. Прокурор оценивает доказательства и определяет виновность в процессе, который регулируется очень немногими правовыми нормами. При этом он осуществляет широкие дискреционные полномочия, доктринальная основа которых—теория разделения прокурорских полномочий—основана, в некоторой степени, на процедуре, возникшей в системе частного обвинения. Однако существуют и другие объяснения современной прокурорской дискреции, которые отражают реальность системы уголовного правосудия, а не фокусируются на более абстрактной правовой доктрине. Большая нагрузка на прокуроров требует, чтобы они расставляли приоритеты между делами и избавлялись от многих судебных преследований, добиваясь признания вины. Большинство дискреционных решений, которые прокуроры делают в этом процессе будет, на практике, очень трудно для суда, чтобы пересмотреть. Верховный суд признал это: такие факторы, как приоритеты правительства в области правоприменения и связь дела с общим планом правительства в области правоприменения, не всегда поддаются тому анализу, который компетентно проводят суды. Постоянно дополняя федеральный уголовный кодекс. Некоторая прокурорская свобода действий неизбежна в такой системе. Джерард Линч утверждал, что ностальгия по уголовному процессу и сожаление по поводу прокурорского усмотрения отвлекают от проектов анализа и совершенствования системы, которую мы фактически имеем. Вместо этого он признает неизбежность “прокурорского судебного решения” и выступает за совершенствование системы путем введения процессуальных ценностей (таких как слушания и разоблачения) в досудебную фазу. Ни одно из предложений Линча не ограничит свободу усмотрения прокурора; в результате он признает, что они могут быть неудовлетворительными. Равно как и его предложения или другие реалистичные усилия по реформированию решают доктринальные проблемы, связанные с обоснованием разделения властей для прокурорского усмотрения. Однако вопрос, поднятый в данной статье, заключается не в том, как ограничить прокурорское усмотрение, а в том, как объяснить теорию прокурорского усмотрения в федеральном прецедентном праве. Я утверждал, что в федеральном прецедентном праве была в некоторой степени предшественницей теории разделения властей о прокурорском усмотрении. Линч описывает свою статью как “защиту существующей прокурорской практики ссылкой на модель административного права в сочетании с нежеланием навязывать нормы административного права, касающиеся прокуроров, подозрительно напоминая одобрение статус—кво-опасное положение для академика”. разработаны различные механизмы судебного преследования по уголовным делам, американские суды адаптировали практику судебного уважения к прокурорским решениям. Право исполнительной власти издавать *полле* в одностороннем порядке также стало правом исполнительной власти принимать все прокурорские решения в одностороннем порядке. Эти истоки помогают объяснить, но не оправдать теорию. слабости и ее напряженность с другими областями права. Прокурорское усмотрение может быть необходимым, но не потому, что это делает доктрина разделения властей. В результате федеральные суды могут быть лучше обслуживаемы теорией

прокурорского усмотрения, разработанной для американской системы государственного обвинения, а не адаптированной из системы, сильно отличающейся от нашей.

Список использованной литературы

1. Бозров В. М., Кобяков В. М. Судебное следствие. Вопросы теории и практики. Екатеринбург: Каменный пояс, 1992. 142 с.
2. Жумаканова Н. А. К вопросу об основаниях отказа государственного обвинителя от обвинения // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6. С. 242–243.
3. Жумаканова Н. А. Отказ прокурора от обвинения: вопросы теории и практики: дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 188 с.
4. Кириллова Н. А. Отказ государственного обвинителя от обвинения: дис. канд. юрид. наук. СПб., 2007. 196 с.
5. Крюков В. Ф. Отказ прокурора от государственного обвинения: дис. канд. юрид. наук. Воронеж, 1996. 188 с.
6. Петраков С. В., Поляков М. П. Научные и практические доводы за право прокурора на отказ от обвинения // Уголовное судопроизводство. 2006. № 4. С. 76–78.
7. Рукавишников П. П. Виды отказа государственного обвинителя от обвинения и их отграничение от изменения и корректировки обвинения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 1. С. 100–108.